

Карл Шмитт – один из самых ярких представителей политико-философской мысли XX века. Наш анализ посвящен анализу его работы «Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса», которая привлекает внимание как оригинальный вариант переосмысления договорной теории английского мыслителя. В ней Шмитт исследует предпосылки возникновения теории происхождения государства, а также проблематизирует некоторые из аргументов в её пользу.

Приступая к анализу договорной теории происхождения государства Т.Гоббса, немецкий мыслитель, начинает с того, что находит в ней определенные нестыковки, начиная с использования образа Левиафана в названии трактата, и заканчивая расхождениями в основополагающих аспектах концепции. Так, по поводу названия работы, Шмитт отмечает, что невыясненным до конца остается вопрос, почему Гоббс дает трактату такое название, поскольку образ Левиафана автором практически не раскрывается. Исследовав труды Гоббса, посвященные теме государства, Шмитт находит четыре упоминания Левиафана, как: 1) огромного человека, 2) огромного зверя, 3) грандиозную машину, 4) смертного Бога. Не удастся также установить, что именно Гоббс подразумевает под понятием «смертного Бога», поскольку это выражение встречается в «Левиафане...» четыре раза, каждый раз в разных контекстах и в разных, мало связанных друг с другом, а зачастую противоположных значениях.

Шмитт продолжает свое исследование, критикуя фундаментальные для теории Гоббса концепты, такие как «война всех против всех» и «естественное состояние». По поводу первого Шмитт отмечает, что нет никаких исторических фактов, подтверждающих, что такая война когда-либо была. Вообще же, в основе гоббсовского истолкования «войны всех против всех» лежит, прежде всего, отказ от классической модели понимания человека, как общественного животного, заданной еще Аристотелем. Английский мыслитель ставит под сомнение способность человека от природы жить в обществе, из-за «слишком несерьезного отношения к природе человека» [1, с. 184-185]. Люди, пребывая в естественном состоянии, испытывают различные чувства, именуемые

Гоббсом страстями, но важнейшим из них является страх за свою жизнь. Стремление к самосохранению порождает стремление к власти. Парадокс состоит в том, что само естественное состояние мыслится Гоббсом в духе всеобщего эгоизма и соперничества, которые не есть просто порождения общества, а в нем и только в нем могут возникнуть.

Если же брать в расчет другие «страсти» человека, то стремление к благу, к чинам и почестям и даже к власти, хоть и является, по Гоббсу естественным, но вне общества существовать не может. Таким образом, Шмитт приходит к выводу, что естественное состояние в теории Гоббса не может являться первоначальным для человека, оно есть нечто производное от предыдущего этапа человеческого общества.

Несостоятельность договорной теории Шмитт видит также и в отсутствии четкого разграничения полномочий суверена и подданных. При этом отмечается также крайне парадоксальная зависимость суверена от своих подданных. В частности, согласно Гоббсу, «договариваются же они [люди] о том, что каждый отказывается от «естественного» права на все и уступает право карать особому лицу (или группе лиц), Суверену «...», с самим же сувереном договоров никто не заключает «...». Поэтому расторгнуть договор между собой граждане не могут: его соблюдение гарантировано Сувереном; расторгнуть же договор с ним они не могут, потому что не с ним его заключали» [2, с.27-28]. Да и сам суверен, хоть и обладает полнотой власти, осуществляет безраздельное управление всеми с большим количеством всевозможных оговорок, расписанных на протяжении всего «Левиафана», тем самым, ставя под сомнение свой статус в государстве.

Таким образом, работа немецкого мыслителя представляет собой качественно новый взгляд на проблему договорной теории происхождения государства Гоббса. Анализ «Левиафана», проведенный Шмиттом, отличается особой глубиной, а рассмотрение им личности самого Гоббса позволяет взглянуть на его учение не только с позиций, закрепленных в относящихся к британскому мыслителю историко-философских штампах, но и увидеть эзотерическую его часть.

В частности, важнейшим выводом исследования Карла Шмитта, на наш взгляд, является то, что трактовать философию Гоббса только лишь в рамках философии эмпиризма будет неверно, поскольку Томас Гоббс выступает для него, прежде всего, в качестве политического философа. Согласно распространенному мнению политических мыслителей – современников Шмитта, которое немецкий философ также разделял, Гоббса следует считать скорее «философом политического действия, интересующимся политической действительностью, мыслителем, чьи произведения представляют собой руководства к политическим действиям, а не идеальные системы общих понятий» [2, с. 122-123].

Поэтому, «Левиафан» Т. Гоббса следует воспринимать, прежде всего, не только и даже не столько как отвлеченно-теоретический трактат, сколько как специфическую *форму* осуществления *политического действия*, направленную против основополагающих институтов тогдашнего английского общества: монархии, религии, церкви и общественной морали.

-
1. *Гоббс, Т.* Философские основания учения о гражданине / Т. Гоббс. – М.: АСТ, 2001. – 304 с
 2. *Шмитт, К.* Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / К. Шмитт. – М.: Владимир Даль, 2006. – 151 с.